

*Ю.П. Помелова**

Интеграция национальных меньшинств в национальную идентичность КНР

АННОТАЦИЯ: В статье предпринята попытка теоретического анализа современной ситуации формирования национальной идентичности КНР в историческом, политическом и идеологическом контекстах. Рассмотрены модели формирования и практические вопросы интеграции национальных меньшинств, проживающих на территории КНР, в систему общегосударственной национальной идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китайская Народная Республика, национальные меньшинства, национальная идентичность.

В структуре национальной идентичности значительной части граждан в большинстве современных государств на первый план выходит этническая составляющая, и это оказывается серьёзным вызовом для будущего государства-нации. В его составе укрепляются позиции стремящихся к автономии регионов, выступающих от имени автохтонных этнических сообществ [9, с. 88].

Каждое государство существует, руководствуясь своими специфическими институтами, нормами и традициями. Вместе с основанием первого единого государства на территории современного Китая, был основан его главный идеологический постулат — «великодержавие»: Китай есть центр истории, центр народов, древнейшая цивилизация с непрерывной культурной традицией, которая только дополнялась и развивалась, но никогда не претерпевала кардинальных изменений.

Китай «переваривает» все культурные императивы, которые накладываются на народ: чужеродные династии, коммунизм в его советской интерпретации, а сейчас «переваривает» культурный глобализм

* Юлия Павловна Помелова, аспирант Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; E-mail: sup.nn@mail.ru

[8, с. 24]. Таким образом, для Китая ключевое значение имеет смысловая преемственная связь поколений.

Во время XVI съезда Коммунистической партии Китая, была выдвинута программа «неуклонно возвышать и внедрять национальный дух», что также было обозначено в качестве стратегической задачи и условия, необходимого для дальнейшего существования КНР. Официальный статус при этом получила концепция *чжунхуа миньцзу* — единой китайской нации [1]. Под этим подразумевается постепенное формирование у граждан КНР государственной надэтнической идентичности.

Важнейшей проблемой идентичности КНР является не вопрос её наличия или отсутствия, истории формирования, различных методологических подходов, а скорее использования данной категории в политических целях. Под контролем КПК концепт «КНР» целенаправленно формируется в виде сообщества, объединённого общими целями, культурой и идентичностью.

Без важнейших единых институтов, образовательных, юридических, политических и экономических, национальная идентичность не способна обрести государственную форму. Но при этом, без этнической идентичности, без её непосредственного выражения через «мифо-символические комплексы», современная нация была бы «беспочвенным измышлением». Идентичность граждан представляется собой сложную неравновесную систему, которая сочетает элементы открытости, т.е. возможность влияния внешних факторов и самоорганизации самих этносов для успешного развития. Чем этническая идентичность устойчивей, тем успешнее оказывается и национальная идентичность. Таким образом, объединение сообщества граждан и этно-культурного сообщества достигается посредством формирования национальной идентичности через формирование общих ценностей и символов, определяющих единство исторических судеб данного взаимодействия.

Политика формирования национальной идентичности КНР используется государством в качестве инструмента установления социальной коммуникации между представителями разных идеологий и убеждений. Если гражданская идентичность выстраивается на основе «ежедневного плебисцита», то для формирования национальной идентичности требуются спланированные действия правительства, продолжительные во времени.

Строительство национальной идентичности реализуется не только путём исключения внешнего «другого» (через определение кем и чем «мы» не является и что «мы» должны бояться, например, через поддержание дискурса опасности и создания алармистской идентичности), но, в некоторых случаях это чрезвычайно необходимо,

через подавление внутреннего «другого», как и происходит в КНР. Если внутренний «другой» представляет опасность для концепции «мы», государства могут прибегать к насилию как к методу дисциплинирования, маргинализации, изгнания внутреннего «другого» или включения его в общую государственную идентичность.

Следуя мнению антрополога Брэккетт Уильяме, мы можем расценивать современное государство как продукт процесса тотализации, который подразумевает неумолимое стремление к однородности. Однородность может служить разным задачам, например, гомогенизации пространства, подлежащего государственному управлению. Государствам свойственна различная интенсивность гомогенизирующих усилий, которые в известной степени производны от того, какой властью обладают политические элиты и с каким сопротивлением они сталкиваются [5]. Институциональное закрепление представления об однородности предполагает, что в фокусе общественного внимания оказываются те, кто не имеет признаков, подходящих под проект гомогенизации.

Реализация гомогенизации идентичности населения КНР требует неординарных усилий в области образования, языковой, информационной и религиозной политики. Существует огромное различие между культурой, передаваемой в повседневной жизни, неформально, и культурой, «которой занимаются профессионалы, не занятые кроме этого, ничем другим, выполняющие чётко определённые обязанности, детально зафиксированные в нормативных текстах» [6, с. 151]. Во втором случае культура включает в себя теории, обосновывающие её ценностные установки, опирается на корпус текстов и разъяснений, подчинена общим стандартам, обеспечивающим её единство на территории государства. Если «формальная» культура в своём развитии не опирается на культуры «неформальные», в таком случае, характерной чертой данного общества становится напряжение между ними. Создание подобной дорогостоящей стандартизирующей системы, постепенно перерабатывающей человеческий материал, под силу только государству, но не гарантирует успеха данного предприятия.

Сложность этнической карты КНР, как и многих других полиэтнических государств, не позволяет реализовать устремления всех этнических групп. Несмотря на желание этнических групп, лучше всего выраженное Эрнестом Геллнером: «Как у каждой женщины должен быть муж, желательно собственный, так же и у культуры должно быть государство, желательно своё собственное» [6, с. 159], огромное количество этнических групп и соответствующих им культур не позволяет каждой из них образовать своё государство, одни этнические группы неизбежно попадают под управление других.

Таким образом, можно предположить, что формирование идентичности с одной стороны, является дисциплинарной практикой, нацеленной на гомогенизацию населения и создания чувств единства и однородности, с другой стороны — это ограничительная практика, направленная на формирование национальной идентичности на определённой территории вне зависимости от иностранного влияния.

Соответственно, строительство национальной идентичности, проникающей на всю территорию государства, никогда не будет завершённым. Государство пребывает в состоянии постоянного репродуцирования идентичности и всегда находится в процессе становления. Тем более, что в современном глобализированном мире, для которого характерно всё большее количество людей, вовлечённых в транснациональные практики, совершенно невозможно достичь прочной и однородной идентификации населения с государством.

Не только большое количество этнических меньшинств с разными традициями, проживающих в Китае, но и сами ханьцы, особенно в наши дни, не обладают единой и стабильной идентичностью. Несмотря на введённые государством единые нормы и нормативы жизни, иероглифическую письменную традицию, единое конфуцианское, с элементами даосизма и буддизма мировоззрение, на всей территории расселения ханьцев не прекращается развитие локальных этнических групп, обладающих определённым сознанием своего единства и отличающих себя от других групп по языку, культуре, самосознанию, уровню социально-экономического развития, условиям экономической жизни и экономическим интересам. Их самоощущение постоянно изменяется в соответствии с историческими событиями, которые приводят к пересмотру и постоянной адаптации традиционных ценностей к условиям настоящего времени.

Тем более, с тех пор как Китай открыл свои границы для внешнего мира, у граждан КНР появилось больше возможностей для вхождения в состав нескольких культур, не обязательно возникших на территории, которую они населяют.

Богатство образов СМИ, импортирующих популярную культуру в пост-реформенный Китай, позволили гражданину КНР идентифицировать себя с «отсутствующим другим», тем самым сделав граждан КНР более космополитичными [2, с. 15]. Открытие страны капитализму и массовой потребительской культуре создало возможность для новой формы принадлежности и увеличения интереса к внешнему миру, что ведёт к плюрализации китайской идентичности, утрате её связи с территорией.

Таким образом, вслед за быстрой модернизацией, страна неизбежно подверглась влиянию глобальных культурных потоков. Под

влиянием внешних культур и идей образуется иная, отличная от необходимой правительству идентичность, тем самым углубляя кризис национальной идентичности и подрывая обоснование коммунистического режима, особенно среди интеллигенции и студентов. Упадок идеологии привёл к тому, что Чжао Суйшэн определил как «кризис трёх убеждений: кризис веры в социализм, кризис веры в марксизм и кризис доверия к партии» [2, с. 21].

Для противодействия угрожающим декадентским идеалам Запада и для решения внутренних проблем формируется национальная идентичность, основанная на истории и культурном наследии Китая, тем самым подчёркивается существование «особой китайской специфики».

Благодаря концепции «особой китайской специфики» не только стало возможным проведение экономических реформ при сохранении социалистического строя и доминирующей позиции КПК, но и противопоставление уникальной истории и культуры КНР западным ценностям. На основе общей истории, общих побед и несчастий гораздо проще объединить людей, чем на базе любой концепции построения идеалистического общества. Все три временных пространства — прошлое, настоящее и будущее, — должны работать на построение национальной идентичности [3, с. 32].

Существует три различных модели, по которым КНР может быть объединена в единое сообщество [7, с. 54]. Первая модель может быть обозначена как модель «гнезда» или иерархичная. В рамках данной модели этнические, региональные, религиозные идентичности дополняют друг друга. Например, принадлежность к уйгурской этнической идентичности составляет принадлежность к Синьцзян-Уйгурскому автономному району, что в свою очередь, означает быть частью КНР и осознавать себя частью КНР. Второй вариант построения идентичности КНР может быть условно обозначен кросс-культурной моделью. В ней члены одной группы по-разному определяют свои отношения применительно к другой. Присутствие у индивида нескольких устойчивых идентичностей (к примеру, религиозной и гражданско-политической) не ведёт к их непосредственной взаимосвязи. Гражданин КНР, обладающий сильной религиозной идентичностью, не обязательно должен осознавать себя как часть национальной идентичности КНР именно через принадлежность к определённой религиозной группе. Третья модель — модель «слоёного пирога». Она объединяет кросс-культурный характер второй модели с иерархичностью первой. В данной модели прослеживается даже отрицательная комплиментарность, а взаимозависимость обладает хаотическими свойствами.

Вариант утверждения модели «слоёного пирога» реализуется через поддержку интеграции национальных меньшинств в китайское общество. Официально, он направлен на создание общей исторической памяти, имеющей отношение и к ханьцам, и к меньшинствам, постепенные изменения общественной жизни и предлагает идентификационный плюрализм в качестве решения проблемы трансформации идентичности. Но исходя из практики, реализация стратегии формирования национальной идентичности во многом основана на недоверии к этническим и частным идентификациям. Такое предубеждение недопустимо в глобализирующемся мире, где идентичность КНР является лишь одной из многих идентичностей. Если избегать локальных маркеров, не брать в расчёт важность ценностей и традиций различных меньшинств, невозможно будет сформировать общий фундамент идентичности, разделяемой всеми гражданами КНР.

В силу того, что Китай — многокультурное, многонациональное и многоконфессиональное государство, содержащее этнические меньшинства и диссидентские группы, потенциал конфликта превышает потенциал общих ценностей. Главным просчётом правительства КНР в процессе формирования национальной идентичности является восприятие национальной и этнической идентичности в рамках концепции «нулевой суммы».

Мы можем являться носителями нескольких идентичностей одновременно. Приверженность этнической идентичности не подрывает лояльность к общегражданскому, религиозному или другому сообществу. Тем более, если воспринимать национальные меньшинства и национальное государство КНР как «воображаемые сообщества», то население Китая не обязано проводить разграничительную линию между ними.

Как и представителям большинства народов, ханьцам свойственен некий шовинизм: они считают высшим то, что ассоциируется с ними, а всё иное — низшим. В области культуры ценным признаётся лишь то, что составляет или может составлять элемент собственной культуры; всё остальное либо не имеет ценности, либо оценивается по степени близости и сходства с элементами собственной культуры [10]. Народ, принявший культуру ханьского большинства, перенимает эту черту их психического склада и оценивает себя, свой народ с той же точки зрения.

Полное приобщение к культуре, созданной другим народом возможно лишь в случае антропологического смешения с этим народом [10]. В этом случае для «другого» ханьская культура становится в некоторой степени родной. Тем не менее, «другой», принявший ханьскую культуру, становится маргиналом, т.к. он изначально отличается и от ханьцев и от автохтонного населения своего сообщества.

В этом случае возможно национальную идентичность A определить по формуле:

$$A = a' + b/n(n-1), [10]$$

если культура b представляет культуру национальных меньшинств, а n — количество национальных меньшинств, a' — это культура самих ханьцев.

Культура a' однородна, при этом культура b содержит в себе большее количество культурных ценностей, то есть — сумму потенциальных открытий. Данная сумма не равна количеству признанных (реализуемых) открытий. Большая часть из них исчезает в процессе «борьбы за признание» с ценностями ханьцев и результате конкурентной борьбы с новыми открытиями. Если A в разных направлениях ищет приемлемый путь развития, затрачивая усилия на согласование разнородных культур (исключая лишнее и определяя общие ценности и элементы), то развитие b идёт естественным путём. Можно выделить четыре типа открытий: $b+b$, $a'+b$, $b+a'$, $a'+a'$ [7, с.72]. Первый тип не обладает никакой ценностью с китайской точки зрения, далеко не все открытия этого типа будут признаны китайскими в рамках «борьбы за признание» с исконно ханьскими. Второй и третий типы рассматриваются как трансформация национальной идентичности КНР. Четвёртый тип является отображением традиций, ценностей, предпочтений, символов и наследственности ханьцев.

Ввиду этих причин, реальная творческая эффективность национальных меньшинств будет невысокой. С другой стороны, ханьцы создадут больше ценностей, которые будут добавлены в культурный запас КНР, обретя благодаря этому непоколебимый авторитет, а народам b придется принять их. Следовательно, по отношению к национальным меньшинствам, культурный импорт будет превышать культурный экспорт, с течением времени разрыв будет увеличиваться, что увеличит зависимость культур b от КНР.

Переверес импорта над экспортом культурных ценностей и отличие психологической наследственности b от a' создают для a' тяжёлые условия по усвоению и распространению открытий b . Природные ханьцы усваивают только a' , которые несут отпечаток их психологии, передаваемой наследственностью и традицией. Другим последствием является уничтожение единства внутри национальных меньшинств. При заимствовании усиливается разрыв между поколениями, социальными, профессиональными и имущественными группами, так как их усиливает различие культур [7, с. 72]. Это разрушает внутренний потенциал народа, что с китайской точки зрения делает его «отсталым» и малопродуктивным. Оценивая себя по ханьским критериям, группа b , может прийти к осознанию превосходства ханьцев над собой и осознанию собственной отсталости.

В процессе формирования национальной идентичности КНР представляется перспективным использование опыта Сингапура. Одной из опор его модернизации стало утверждение национальной идентичности молодой сингапурской полиэтнической общности. Основой формирования национальной идентичности стал экономический успех, который, в свою очередь, служил стимулом для дальнейшего продвижения по пути консолидации общества [4]. Национальная идентичность Сингапура вобрала в себя элементы западной культуры с опорой на традиционные модели поведения и моральные убеждения китайцев, малайцев, индусов — коллективистские ориентации, семейные ценности, смирение перед властями, расовую и религиозную терпимость [9, с. 97, 98]. Модель развития национальной идентичности Сингапура не лишена проблем, «сингапурский дух» проигрывает вестернизации, но опыт успешного формирования национальной идентичности за столь короткий срок (с 1965 г.) заслуживает более детального рассмотрения.

В заключение, хотелось бы сказать, что национальная идентичность КНР не заключена в пространственно-определённом состоянии, но переходит и в транснациональные практики. Глобальные потоки ведут к новым возможностям и формированию транснациональных идентификаций. Во всём мире разнообразие этнических групп, мировоззрений и вероисповеданий, социально-культурных форм жизни людей стремительно возрастает, организация общества постепенно переходит от формата национального государства, основанного на однородности населения, к плюралистическому обществу. Для правящей элиты в этом случае есть только два варианта развития событий: этнические, религиозные чистки и агрессивное поддержание однородности, за которым скрывается поддержка культуры господствующего большинства, подавляющего иные культуры или же признание неоднородности своего населения и ненасильственное утверждение национальной идентичности, при этом, «культура большинства должна быть чётко отделена от политической культуры» [11].

Литература

1. Full text of Jiang Zemin's report at 16th Party congress [Электронный ресурс], 2006. URL: <http://english.cpc.people.com.cn/66739/4496615.html>.
2. *Mauri F.* The reconstruction of national identity in post-mao China. London: University of London, 2008. 32 p. URL: <http://archive.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/The-reconstruction-of-Chinese-identity.pdf>.
3. *Men J.* The search of An Official Ideology and Its Impact on Chinese Foreign Policy. Brussels: University of Brussels, 2003. 36 p. URL: <https://www.dur.ac.uk/resources/china.studies/The%20Search%20of%20An%20Official%20Ideology%20and%20Its%20Impact%20on%20Chinese%20Foreign%20Policy.pdf>.

4. *Ortmann S.* Singapore: The politics of investing national identity // Journal of current Southeast Asian affairs, 2009. № 4. P. 23–46. URL: <http://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/view/169/169>.

5. *Вердери К.* Куда идут «нация» и «национализм». URL: <http://nations.gender-chu.org/indexen.php?table=reading>

6. *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь: международный философский журнал, 1992. № 1. С. 9–61. URL: <http://izbornyk.org.ua/gellner/puti.htm>

7. *Кемаев К.В.* Процесс формирования общеевропейской идентичности: политика валютно-финансового регулирования, механизмы политико-экономической трансформации, технологии стратегического моделирования: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Н.Новгород, 2007.

8. *Кортунов С.В.* Национальная идентичность. Постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. 592 с. URL: http://identityworld.ru/load/poisk_po_alfavitu/nkortunov_s_v_nacionalnaja_identichnost_postizhenie_smysla/21-1-0-97

9. *Семенов И.С.* Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа // Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, Москва, 21–22 окт., 2010 г. М.: ИМЭМО РАН, 2010. URL: <http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2011/11002.pdf> 86 — 101

10. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. URL: <http://philosophy.ru/library/vehi/nstev.htm>

11. *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм / *Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох* и др. М.: Праксис, 2002. URL: http://travellingscience.blogspot.ru/2013/11/blog-post_5995.html

*J.P. Pomelova**

Integration of national minorities into Chinese national identity

ABSTRACT

The paper examines and analyzes contemporary national identity-building in China in terms of historical, political and ideological contexts. Identity-building patterns and practical issues of integration of ethnic minorities into Chinese national identity are discussed as well.

KEYWORDS

People's Republic of China; national minorities; national identity.

* Julia Pomelova, postgraduate student, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: sup.nn@mail.ru